

Медиаполитическое взаимодействие или политическая коммуникация? К вопросу о развитии медиаполитологии в России

Posted November 28th, 2014 by [Editor](#)

- [Бодрунова Светлана Сергеевна](#)
- [Выпуск №4. 2014г.](#)
- [Теория СМИ и массовой коммуникации](#)

Media-Political Interaction or Political Communication? Towards the Development of Media and Political Studies in Russia

Бодрунова Светлана Сергеевна

кандидат политических наук, доцент, зав. кафедрой медиадизайна и информационных технологий Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ, visual@jf.pu.ru

Svetlana S. Bodrunova

PhD, Associate Professor, Head of the Chair of Media Design and Information Technologies, School of Journalism and Mass Communication, St. Petersburg State University, visual@jf.pu.ru

Аннотация

В статье анализируется опыт выстраивания новой междисциплинарной области – медиаполитологии. Формулируются положения, касающиеся теоретического развития российской медиаполитологии; предлагается ряд концепций, на основе которых российская медиаполитологическая школа могла бы обрести уникальные позиции в рамках изучения взаимодействия СМИ и политики в мире.

Ключевые слова: *медиаполитология, медиакратия, журналистика и политика, сравнительный анализ медиасистем.*

Abstract

The author analyses the existing approaches to constructing media and political studies as an interdisciplinary field of research. Several considerations about the theoretical development of Russian media and political studies are articulated; a range of concepts is suggested upon which Russian school of media and political studies could base its unique scientific position within the world-acknowledged research agenda.

Key words: *media and political studies, mediacracy, journalism and politics, comparative analysis of media systems.*

Несмотря на большой опыт советской и постсоветской российской гуманитарной науки в изучении связей политического поля и журналистики, закрепленный в массе работ разного уровня, в России по разным причинам до сих пор не сложилось целостное поле в

рамках медиаисследований и/или политологии, которое соответствовало бы евроатлантической зоне исследований, под названием *media&political studies*. Очевидно, что необходимость формирования общего дискурсивного пространства, обсуждающего феномены взаимодействия политики и журналистики, сомнению не подвергается; тем не менее общая для многих ученых дискуссия о его теоретико-методологических основаниях пока не возникла. Московская, петербургская и другие школы настаивают на необходимости изучения политической журналистики, журналистики в мире политики, журналистики и политики как двух взаимодействующих сфер общественной жизни и на иных парадигмах оценки взаимодействия двух этих зон. Однако мы видим некоторые перспективы в изучении их взаимодействия, которые могли бы способствовать более глубокому пониманию феноменов, возникающих при соприкосновении политических и журналистских практик как в нормативном, так и в эмпирическом аспекте.

В разговоре о **медиаполитологии** (что как раз и соответствовало бы западной зоне *media&political studies*) как об относительно новой для России сфере научного знания следовало бы ограничить и описать ее предметную область. Такие попытки предпринимались несколько раз в первой половине 2000-х гг.¹, однако значимая дискуссия о самом термине прервалась, и в «среди ученых нет согласия по поводу того, как называть науку, изучающую взаимодействие журналистики и политики, и не очерчен круг проблем будущей дисциплины»². Нужно сразу оговорить, что такое положение дел сложилось не только в российской науке. На Западе «важным препятствием для более глубокого понимания отношений между медиа и демократическим политическим процессом долго было отсутствие общей исследовательской повестки дня. Компартиментализация и фрагментация были результатом не только рассредоточения ученых по разным академическим дисциплинам... которые редко взаимодействуют, но также в силу сбивающего с толку и, видимо, совершенно необязательного ветвления разных аналитических школ»³.

Тем не менее в российской медиалогии, как и в западной, есть несколько развивающихся подходов к анализу взаимодействия СМИ и политики на основе социологической, структурно-функциональной, дескриптивной, социально-критической методологии, ситуационного и исторического анализа, а также типологического (то есть опять же структурно-функционального по своей природе) описания национальных медиасистем, в том числе российской. В середине 2000-х гг. они были проанализированы и суммированы А.Ф. Скобелиной⁴. С тех пор и в российской, и в мировой медианауке произошли значимые теоретические подвижки, и общая картина снова требует переосмысления.

Ни в коей мере не претендуя на полный обзор работ последнего времени и на сколько-нибудь полное и системное предложение в сфере теории медиаполитологии, осмелимся высказать несколько положений, достойных, на наш взгляд, быть высказанными прежде, чем может начаться значимый разговор о самой предметной области.

Первоначальные замечания должны касаться непосредственно объекта и предмета исследования при рассмотрении феноменов взаимодействия журналистики и политики. Если у политологии и медиалогии есть пересечение объекта исследования (в формулировке М.М. Ковалевой – это политическая жизнь общества⁵, но существует и масса иных интерпретаций), то сегодня требуется уточнение того, как описывается это пересечение, какие концепции и практики в него попадают, а какие нет. Но для этого требуется задуматься об объекте изучения в медиаполитологии не в структурно-функциональном или институциональном, а в системном измерении: рассмотреть объект исследования как систему, то есть определить границы, пороги развития, точки стабилизации, внешние и внутренние детерминанты, системные принципы

функционирования и другие системные параметры объекта исследования. В этом случае сам метод будет требовать уточнения сути объекта исследования.

Предлагаемый нами объект изучения для медиаполитологии в этом случае – взаимодействие политической и медийной социальных подсистем, то есть **межсистемное медиаполитическое взаимодействие**. Основой этого подхода являются «три кита»: 1) системно-политическая теория⁶ и лумановская перспектива в оценке политической системы и медиасистемы именно как открытых систем⁷; 2) современная сравнительная медиалогия и моделирование медиасистем; 3) современная теория медиатизации социальности в целом и политики, в частности⁸.

Как известно, лумановская системно-социальная теория была многократно раскритикована за невозможность создания на ее основе теорий среднего уровня, то есть за низкий операционный потенциал. Однако еще один теоретик социальной системы, продолжатель парсонс-лумановской линии в немецкой социологии, Р. Мюнх, в 1997 г. предложил решение проблемы определения объекта изучения в зоне политической коммуникации. Он, в частности, призвал рассматривать медиаполитическую коммуникацию как пространство межсистемного взаимодействия политической и медийной систем, в которой медиа и политика настолько тесно взаимодействуют, что формируют отдельную подсистему – систему медиаполитической коммуникации⁹, и сегодня его идеи используются в базовых книгах по сравнительному анализу политической коммуникации в разных политических системах¹⁰. На основе этих рассуждений ученые уже пытаются создать модели, позволяющие анализировать политическую коммуникацию в системной и, главное, сравнительной перспективе. Так, сегодня наиболее разработанной является модель, предложенная в последних версиях (с 2003 г.) известного учебника «Сравнительная политология сегодня: мировой обзор» (*Comparative Politics Today: a World View*) Алмонда и коллег¹¹. Она известна как модель ввода-вывода (*input/output model*) и показывает, как медиасистема участвует в универсальных политических процессах «артикуляции, агрегации, производства и внедрения политических решений по вопросам повестки дня (*policies*) как коллективных ограничителей»¹². Следует уточнить: у Алмонда и Пауэлла в книге «Сравнительная политология» речь идет об артикуляции и агрегации социальных (групповых) интересов и запросов – в качестве *input* для ядра политической системы, а процессы производства и внедрения касаются именно разработок *policy* – политических программ по вопросам повестки дня¹³.

Вторая упомянутая нами ветвь гуманитарных исследований – сравнительная медиалогия национального уровня – изучает зависимость складывания языково- и территориально-ограниченных медиасистем от окружающих социально-исторических, политических, экономических и культурных факторов, а также возможности кластеризации медиасистем и моделирования их развития, в том числе в переходных демократиях. В начале своего пути крайне идеологизированная¹⁴ системная медиакомпаративистика прошла большой путь – от постановки вопроса о целях и методах сравнения¹⁵ к поиску критериев и моделированию развития демократических и транзитивных медиасистем¹⁶. Важнейшим на сегодня вопросом является поиск универсальных критериев сравнения развития медиасистем в социополитическом, экономическом и культурном контексте – в условиях устойчивых и переходных демократий, анократий и авторитарных режимов¹⁷, в условиях глобализации и различных скоростей развития экономики, социальных разломов и регионального дисбаланса, в сетевых средах¹⁸, в пределах этнокультурных сообществ и т.д. Медиаполитология могла бы выявлять критерии сравнения медиасистем с точки зрения формирования инклюзивной, эффективной и стабильной публичной сферы, публичности политики и экономики, возможностей социального контроля власти,

рационализации социального выбора и т.д. Сегодня ученые, принимающие эту модель как основную, обсуждают, прежде всего, способы учета национальных и региональных особенностей при сравнительном анализе этих глобальных процессов, и наиболее интересными сейчас являются разработки Свободного университета Берлина, американских ученых и группы под руководством Т. Ханитцша в сфере сравнительного анализа политико-коммуникативных культур¹⁹.

Однако в сравнительных работах 2000-х и начала 2010-х гг. прослеживается уже упомянутое выше фундаментальное упущение в описании объекта исследования – медиасистемы. Она либо не определяется вообще (подразумевается, что читатель и авторы имеют общие взгляды на то, что такое медиасистема), либо описывается как: 1) совокупность каналов коммуникации; 2) коммуникативная среда; 3) отдельные медиапредприятия; 4) изредка – как совокупность организаций, имеющая некоторые системные свойства. Нельзя, конечно, не отметить некоторые попытки показать различие в этих подходах²⁰, но и в них не указано, какой подход обладал бы интегративной способностью с точки зрения «сбора под зонтик» всех (или многих) накопленных знаний о негативном влиянии медиа на политический процесс. Сегодня в науке только разворачивается дискуссия о том, какие характеристики медиасистемы следует считать системными²¹, опираясь на принятые в общей теории систем признаки (открытость/закрытость, устойчивость/диссипативность, центробежность/центростремительность, точки бифуркации, баланс потребления ресурсов и выдачи продукта и т.д.). В нашем вопросе нахождения оснований для медиаполитологии как отрасли знания, изучающей межсистемное взаимодействие медиа и политики, современная сравнительная медиалогия помогает мало, поскольку не предоставляет четкого определения медиасистемы как системы, а также критериев для дифференциации, моделирования и оценки качества медиасистем с точки зрения их целостности и функциональной состоятельности. Но уже сам тот факт, что ведущие ученые мира настаивают на рассмотрении сферы медиа как совокупности медиасистем, дает нам основания для выяснения границ медиасистем, их структуры и свойств, а также ролей в медиаполитическом взаимодействии.

Третья ветвь – изучение медиатизации общественной жизни и, в частности, политики – дает нам, пожалуй, наиболее близкое нашим собственным рассуждениям понимание того, как взаимодействие СМИ и политики может быть описано на разных уровнях как системное. Медиатизация социальной реальности²² сегодня понимается как: 1) нарастание **присутствия** медиасистемы в жизни современных обществ на всех уровнях – от индивидуального до социетального, от практик повседневности до институционального принятия стратегических решений; 2) нарастание **влияния** медиасистемы и ее элементов на траектории развития как собственно социальных феноменов, так и общественных подсистем – политики, экономики, международного взаимодействия и др.

Медиатизация политики описана в академической литературе многообразно. Можно выделить два принципа кластеризации исследований медиатизации политики, каждый из которых разбивает дискуссию о современных СМИ и политике на два русла.

Первый принцип – нормативно-демократическая составляющая. С этой точки зрения, имеющиеся исследования можно разделить на два дискурсивно различных потока. Первый можно условно назвать дискурсом **медиации политики**²³; он утверждает, что растущие объемы взаимодействия медийной и политической (под)систем сами по себе нейтральны с демократической точки зрения, а часто даже положительно сказываются на степени прозрачности принятия решений, вовлеченности граждан в социально-политическую де-libерацию, способности сообщества контролировать властную элиту.

Второй дискурс, говорящий собственно о **медиатизации политики**²⁴, привлекает внимание одновременно к нормативным ролям медиа в политическом процессе (информирование, организация дискуссии, агрегация и артикуляция интересов социальных групп, публичный контроль «рефеодализованного» полисинга и др.) и к тем несоответствиям (*biases*)²⁵ и искажениям (*distortions*) демократического политического процесса, которые возникают в силу взаимопроникновения политической и медийной систем²⁶. Внутри дискурса о медиатизации политики первую позицию называют неолиберальной, вторую – медиакритической. Несмотря на их кажущееся противостояние, они достаточно легко объединяются внутри объяснительных моделей медиатизации политики по принципу «идеал – его искажение».

Второй принцип дискурсивного дробления академической дискуссии о медиатизации политики – различие в предмете исследования. Первая группа ученых изучает проникновение так называемой «медийной логики» в политический процесс²⁷, то есть влияние особенностей процесса создания и публикации медиаконтента на скорость принятия политических решений, содержание полисинга, дискуссионные процедуры, политическую коммуникацию. Вторая группа изучает непроцедурные механизмы формирования политико-медийных смыслов, то есть семантико-семиотическую составляющую медиаполитического взаимодействия, а также роль медиасистемы и отдельных СМИ в формировании этих смыслов, формы медийного вмешательства, ограничения, накладываемые структурой аудитории, журналистского сообщества и медиарынка (*structural biases*) и иные составляющие, под воздействием которых изменяется смысл политического сообщения.

Таким образом, мы видим, что системно-социологические, системно-политические и «медиатизационные» исследования успешно используют системный подход в описании не только собственных объектов исследования (социальные подсистемы, политическая сфера), но и явлений на стыке медийной и политической сфер; однако собственно медиаисследования пока только подходят к описанию медиасферы в системной перспективе, хотя уже давно пользуются системно-теоретической терминологией. Однако нам удалось найти ключевое соединение системно-социологической парадигмы с медиаисследованиями; оно прослеживается в работах немецкого медиаисследователя Ф. Марцинковского²⁸. В его интерпретации социальные подсистемы имеют (как и у Лумана) собственную логику и рациональность; они самореферентны и потому лишены понимания того, как работают иные социальные подсистемы. Они работают на ограниченном и селективном информационном базисе. И это создает в них самих **дефицит** в тех зонах, где требуется информация, ресурс, навык или процедура, характерные для иной социальной подсистемы. В такой интерпретации медиатизация политики – это ответ политической системы на ощущение коммуникативного дефицита внутри себя самой, что приводит к попыткам вовлечения медиасистемы (нуждающейся уже в другом типе дефицитного ресурса – например, эксклюзивной информации) в работу политической системы. Поэтому, во-первых, стягивание, взаимное вовлечение двух подсистем в работу друг друга – не вина какой-либо из них, а естественный, неизбежный процесс²⁹, а во-вторых, проникновение «медийной логики» в политический процесс вполне объяснимо, поскольку, абсорбируя ресурс медиасистемы, политическая система неизбежно абсорбирует и логику его производства.

Ф. Марцинковский указывает также на то, что не вся политика затронута медиатизацией, так как не все зоны политики нуждаются в повышении своей репрезентативности в более широкой социальной системе (*'public visibility'*), а значит, и в ресурсе медиа. Это переключается с нашей мыслью о «пограничном взаимодействии» между политикой и журналистикой как индустриальной стороной медиасистемы: только некоторые

«ложноножки» политики в некоторые периоды вытягиваются в сторону некоторых медийных акторов и только некоторые сегменты медиасистемы так же активно соприкасаются с политическими акторами. Именно на границах такого соприкосновения и складываются феномены взаимодействия, причем они могут как усилить, так и исказить нормативные стандарты и демократические практики и политики, и журналистики – что также близко нашей мысли о том, что медиаполитическое взаимодействие следует оценивать по вектору «идеал – его искажение».

Такой подход, на наш взгляд, одновременно интегрирует массу уже открытых медиаполитологических явлений, позволяя описать их как проявления межсистемной интеракции, и открывает перспективы российской медиаполитологии как с точки зрения методологического развития, так и с точки зрения вхождения в мировую медиаполитологию, определенная часть которой (особенно немецкоязычная) рассматривает медиаполитическое взаимодействие именно как (меж)системный феномен³⁰. Такой подход позволил бы также отказаться от устаревших индоктринационных и пропагандистских интерпретаций взаимодействия СМИ и политики в капиталистических демократиях, поскольку «межсистемное взаимодействие» подразумевает интеракцию как минимум двух систем, а не управление одной областью (средствами массовой информации) со стороны другой (политики). В этом случае и политическое поле, и СМИ рассматриваются именно как социальные подсистемы – с собственной логикой и скоростью развития, границами, самостоятельно формируемыми решениями и стратегиями, ресурсным потенциалом и т.д.

Мы предлагаем не соглашаться с трактовкой Р. Мюнха о возникновении новой подсистемы на границе медиа и политики, при этом учитывая то, что политическая сфера и медиа формируют социальные подсистемы первого уровня, как это указано у Ф. Марцинковского, – тогда как политическая коммуникация, понятая не как «коммуникация в обществе о политике», а как целефункциональный набор профессиональных практик одностороннего характера («коммуникация политических акторов о собственных целях и позициях»), такой социальной подсистемы не формирует. В этом случае, несмотря на то, что многие ведущие авторы рубежа веков рассматривают медиаполитический комплекс как неразрывное единство³¹, с точки зрения системного анализа важен вопрос о границах обеих подсистем, условиях пересечения информационными потоками этих границ (так называемые «*spill-overs*» – «перетекания через край») и моделях медиаполитического взаимодействия.

Если обратиться к рассмотрению медиаполитического взаимодействия как комплекса процедур и практик на стыке двух подсистем без формирования особой подсистемы политической коммуникации (чего хотелось бы нам), то будущим исследователям необходимо будет учесть сразу несколько методологических вопросов.

Первый, как сказано выше, касается разграничения концепций «политическая коммуникация», «медиаполитическое взаимодействие», «журналистика в мире политики» – и научных дисциплин «политическая коммуникативистика», «медиаполитология» и «политология журналистики». В западной традиции практически все исследования взаимодействия СМИ и политики рассматриваются именно в дискурсе политической коммуникации, поскольку сама журналистика рассматривается как прикладная (целефункциональная) зона социальной коммуникации. Именно политическая коммуникация, рассматриваемая как особая система (а не только процесс), понимается как центральный механизм описанных выше универсальных политических процессов. Но в этом случае политическая коммуникация рискует подменить собой политику вообще, как это и происходит в некоторых теоретических работах – в традиции К. Дойча и Х. Арндт,

для которых, как и для Ю. Хабермаса, коммуникативное действие равнялось политическому действию. Это смешение понятий и заставляет нас отдельно поставить вопрос о разграничении политической коммуникации как коммуникации, инициированной политической системой в собственных целях, и взаимодействия двух равноправных подсистем – журналистики и политики. Мы считаем, что, системный и институциональный характер медиа, вероятно, может быть описан едва ли не лучше, если рассмотреть журналистику и ее носитель, систему СМИ, как **культурную индустрию**, то есть **индустрию производства смыслов особого рода** (актуальных, социально релевантных, производящих публичность и т.п.), а не просто тип социальной коммуникации, обусловленный технологическими особенностями коммуникативных каналов. Мы бы предложили задуматься над разделением политической коммуникации и медиаполитического взаимодействия в том смысле, что политическая коммуникация инициируется политическими акторами и является функциональной частью политической системы как системы, производящей собственные комплексы смыслов в собственных интересах; в этом случае любые коммуникативные каналы выступают именно как каналы, коммуникативная среда или трансляторы сообщения – без собственных интенций, содержательных фильтров и механизмов контроля. А медиаполитическое взаимодействие рождается произвольно, когда с политической коммуникацией сталкивается медиасистема как иное смыслопорождающее целое, как отдельная индустрия со своим деонтологическим комплексом, набором фильтров, ограничениями кадрового характера, случайностями и т.д. Конечно, может оказаться и так, что невозможно инструментально при анализе разделить одно и другое; либо же политическая коммуникация и медиаполитическое взаимодействие должны выступать как два парадигматических подхода, два взгляда на одни и те же практики взаимодействия, брошенные из разных точек. Заметим при этом, что модель Алмонда и коллег 2003 г. строится именно на разделении систем СМИ и политики, а не на анализе некой объединенной системы политической коммуникации: «Внутри этой модели медиа и политика могут рассматриваться как две автономные, отдельные системы с собственным основанием и целями: политика прежде всего нацелена на создание решений, обязательных для всех, тогда как СМИ имеют целью придание публичности политическим акторам и вопросам повестки дня»³². Эта модель может быть рекомендована как отправная точка для дискуссии о медиаполитологии вообще, потому что она предлагает такой необходимый метаязык для сравнительного анализа, позволяет соединять теоретические построения системных аналитиков с эмпирическим изучением медиаполитических феноменов, принимает во внимание двусторонний характер взаимодействия, соединяет микро- и макроконтекст медиаполитики, а также учитывает национальный культурный и структурно-политический компоненты анализа.

Следует обратить внимание на то, что при таком подходе нужен пересмотр отношения к медиасистеме как исключительно системе каналов коммуникации или как к среде коммуникации с набором особых технологических и потребительских характеристик. Системный характер журналистики как зоны производства смыслов должен быть поставлен во главу угла, если речь идет об анализе процессов, порождающих социальные перемены.

Возможно, требуется также отграничить изучение медиаполитического взаимодействия (медиаполитологию) от политологии журналистики – так же, как изучение, например, медиапотребления (социология медийности) может быть отграничено от социологии самого журналистского сообщества и практик, связанных с ним и существующих в его поле. Это предмет отдельной методологической дискуссии.

Выделение медиаполитологии как дисциплины, изучающей в первую очередь межсистемное медиаполитическое взаимодействие, возможно еще и по той причине, что у нее может быть своя собственная цель («для чего изучать это взаимодействие»), отличная от целей изучения политической коммуникации (эффективность и социальные последствия политической коммуникации) и политологии журналистики (место журналистики в политическом пространстве, политические аспекты журналистской работы и др.). Медиаполитология могла бы стать той редкой дисциплиной, в которой нормативность (ориентация на должные практики) могла бы стать уместной. Мы имеем в виду, что изучение медиаполитического взаимодействия можно было бы вести **в аспекте анализа качества демократии и/или эффективности политических систем**. Иначе говоря, медиаполитология могла бы отвечать на вопросы о том, как на демократическое строительство влияют практики медиаполитического взаимодействия (эмпирический аспект) и какими эти практики должны быть, чтобы качество демократии повышалось (нормативный аспект).

Предвидя упреки в прозападности и в том, что не существует определения демократии, разделяемого хотя бы несколькими политологическими школами, мы можем сослаться только на то, что гуманитарная наука в целом существует в дискурсивной форме, то есть в постоянном диалоге, в том числе терминологическом. Отсутствие разделяемых научным сообществом *social imaginaries* («воображаемых социальных реальностей») не означает, что их невозможно или не нужно обсуждать. Постановка вопроса о влиянии медиаполитического взаимодействия на качество демократии на самом деле способна существенно сузить предметное поле медиаполитологии и задать рамки разговора, по итогам которого возможно выделение критериев анализа, в том числе сравнительного, межгосударственного. При постановке такого вопроса следует в первую очередь обратиться к деонтологическим комплексам, выработанным медиасистемами в разных политических системах и режимах, и, вероятно, к структурно-функциональному анализу журналистских ролей, о чем существует обширнейшее поле литературы. Общим местом при рассуждении о ролях журналистики в социуме на Западе является то, что журналистика, как система, первичной функцией (*primary function*) имеет **придание событиям статуса публичности** – безусловно, медийными средствами («путем сбора, обработки и передачи информации исходя из специфически-медийных критериев, форматов и стилей презентации»³³). В приложении к политике эта первичная функция дает целый букет журналистских ролей, который уже достаточно полно описан и в западной, и в российской научной литературе и только требует «собирания» под единый концептуальный «зонтик».

Еще одна важная и возможная цель, практически сверхзадача медиаполитологии как дисциплины принципиально сравнительного характера – стать частью сравнительной медиаологии, то есть вносить вклад в сравнительный анализ развития мировых медиасистем.

Ведя речь о взаимодействии двух (под)систем, следует учитывать их принципиально открытый характер. Вероятно, не было бы лишним обсуждение того, какие пороги открытости (или диссипативности, в терминологии нобелевского лауреата И. Пригожина) и центробежности присущи современным медиасистемам, где находятся их границы (в том числе в медиаполитическом взаимодействии) и как оценивается роль новых медиа и медиа, в основе которых лежит контент, созданный пользователями, в современных медиасистемах разных стран.

Если выделять медиаполитическое взаимодействие как отдельный объект изучения, то, вероятно, было бы уместно определить, какие магистральные дискурсы в России и на

Западе описывают именно взаимодействие СМИ и политики как социальных подсистем в аспекте качества демократии. Эту задачу невозможно выполнить в рамках одной статьи; тем не менее можно отметить, что если вопрос о влиянии медийных практик на качество демократии ставится чрезвычайно часто, то **одновременная** постановка вопросов о **системном характере** и **демократическом качестве** этого взаимодействия встречается нечасто; чаще других – в немецких работах. Еще десять лет назад «политологическая литература отличалась отсутствием тщательного сравнительного анализа взаимно влиятельной интеракции между потоком политической информации, с одной стороны, и базовым демократическим характером политических режимов и индивидуальных политических аттитюдов и поведения»³⁴.

В первом случае можно выделить два подхода – **либеральный** и **медиакритический**. Либеральный строится на нормативных посылах и близок нашим рассуждениям в том смысле, что в целом говорит о позитивном влиянии медиатизации на качество демократии, поскольку медиатизация политической сферы как раз и создает публичность, а через публичность – подотчетность власти, вовлеченность аудитории, предпосылки к учету большего числа мнений и артикуляцию социальных потребностей.

Медиакритический подход исследует практики, ведущие к снижению качества демократии через многообразные негативные политические медиаэффекты. Большинство западных критиков сказали бы, что совмещение этих научных дискурсов невозможно, поскольку одни и те же явления они интерпретируют прямо противоположным образом. Однако если предположить, что негативный медиаэффект есть искажение идеально мыслимой (нормативной) картины мира, то совмещение двух подходов может дать потенциал для создания интерпретативных концепций, изучающих медиаполитическое взаимодействие в аспекте «идеал – искажение», в частности – «медиадемократия как идеальная медиатизированная демократия – ее искажение через негативные медиаэффекты». И хотя изучение медиаэффектов сегодня все чаще критикуется за разрозненность и недостаточность интерпретативной мощи³⁵, не стоит полностью сбрасывать медиаэффекты со счетов при условии их интеграции в более общую концепцию или даже теорию среднего уровня, объясняющую многообразные искажения демократического взаимодействия СМИ и политики едиными причинами.

Еще одна методологическая предпосылка, которую необходимо учесть в разговоре о медиаполитологии, состоит в том, что базовая схема медиаполитического взаимодействия, которая пока выглядит как «политическая система – медиасистема», не может оставаться таковой, если мы рассматриваем ее в аспекте качества демократии. В нее в этом случае должен включаться третий компонент – общая для мейнстримных СМИ и политики национальная политическая аудитория. С такой позицией согласен практически любой ученый, занимающийся *media & political studies* за рубежом: Д. Грейбер, П. Норрис, Х. Семетко, Ф. Эссер (США); Д. Маккуэйл, Дж. Кёртис, Р. Негрин, Б. Макнейр (Великобритания); Т. Мейер, Б. Пфетч, К. Хольц-Баша, К. Фольтмер (Германия); Дж. Мадзолени, П. Манчини (Италия); Т. Гобан-Клас, Б. Добек-Островска (Польша) и мн. др. Мы также разделяем эту позицию. Подобная схема позволяет задуматься о поиске критериев сравнительного анализа медиаполитического взаимодействия в разных политиях с целью сравнительной оценки роста/снижения качества демократии под влиянием медиаполитической интеракции.

Данная схема может анализироваться несколькими путями. Для российской школы с советских времен был характерен анализ так называемых национальных моделей СМИ, в рамках которых анализировались и связи медиасистемы и политического контекста – в марксистском духе, по принципу обусловленности медиасистемы системой политической, а не на равных, как мы предлагаем выше. Сегодня эти исследования можно

рассматривать как подготовку к сравнительным исследованиям, поскольку исследование отдельных случаев (*case studies*) – необходимое эмпирическое звено на пути к компаративистике. Однако в постсоветское время таким исследованиям нужно найти новое, деидеологизированное основание. Например, в российских работах 2000-х гг., где раскрывается взаимодействие национальной и региональной журналистики и политики, использован ситуационный анализ³⁶. С 2006 г. в петербургской школе разрабатывается также теоретико-методологическая основа для количественного сравнительного анализа антидемократических искажений в медиаполитике – под «зонтиком» концепции **медиакратии**³⁷. Основанная на схеме Алмонда и Пауэлла 1966 г. и современных разработках западных ученых, эта концепция позволяет проводить индексный анализ медиакратизации как значимого искажения демократических политических практик. Первые результаты сравнительного анализа по шести модельным странам получены в конце 2012 г. и дают повод говорить о возможности медиакратического моделирования, то есть поиска моделей медиакратизации в зависимости от исторических, социополитических и специфически медийных условий развития медиаполитического взаимодействия в демократических странах.

-
1. Воробьев В.П. Медиаполитология: научная проблема и учебная дисциплина // Средства массовой информации в современном мире: мат-лы межвуз. научн.-практич. конф-ции / Под ред. В.И. Конькова / Ч. 1. СПб, 2001; Маров В.Н. Предмет и проблемы медиаполитологии // XXI век начинается: актуальные вопросы журналистики / Сост. Л.М. Макушин. Екатеринбург, 2002. (Vorob'ev V.P. Mediapolitologiya: nauchnaya problema i uchebnaya distsiplina // Sredstva massovoy informatsii v sovremennom mire: mat-ly mezhvuz. nauchn.-praktich. konf-tsii / Pod red. V.I. Kon'kova / Ch. 1. Sankt-Peterburg, 2001; Marov V.N. Predmet i problemy mediapolitologii // XXI vek nachinaetsya: aktual'nye voprosy zhurnalistiki / Sost. L.M. Makushin. Ekaterinburg, 2002.)
 2. Скобелина А.В. Проблемы взаимодействия журналистики и политологии. – URL: http://lib71.library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0089721.pdf (Skobelina A.V. Problemy vzaimodeystviya zhurnalistiki i politologii. – URL: http://lib71.library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0089721.pdf)
 3. Mughan A., Gunther R. The Media in Democratic and Nondemocratic Regimes: A Multilevel Perspective // Democracy and the Media: A Comparative Perspective / Ed. by R. Gunther, A. Mughan. Cambridge, 2000. P. 1.
 4. Скобелина А.В. Указ. соч. (Skobelina A.V. Ukaz. soch.)
 5. Ковалева М.М. Журналистика как социально-политический институт // Журналистика и политика: сб. статей / Сост. М.М. Ковалева, Д.Л. Стровский. Под науч. ред. М.М. Ковалевой. Екатеринбург, 2004. (Kovaleva M.M. Zhurnalistika kak sotsial'no-politicheskiy institut // Zhurnalistika i politika: sb. statey / Sost. M.M. Kovaleva, D.L. Strovskiy. Pod nauch. red. M.M. Kovalevoy. Ekaterinburg, 2004.)
 6. Almond G.A., Powell G.B. Comparative Politics: A Developmental Approach. Boston, 1966; Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton (NJ), 1963; Comparative Politics Today: A World View / Ed. by G.A. Almond, G.B. Powell, K. Strom, R.J. Dalton / Updated 7th ed. New York, 2003; Easton D. A Framework for Political Analysis. Englewood Cliffs, 1965; Easton D. A Systems Analysis of Political Life. New York, 1965; Easton D. The Analysis of Political

- Structure. New York; London, 1990; Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. New York, 1953; Parsons T. Das System moderner Gesellschaften. Weinheim, München, 2000; Parsons T. Social Systems and the Evolution of Action Theory. New York, 1977; Parsons T. The Social System. Glencoe, Ill., 1951.
7. Bärns B. Öffentlichkeitsarbeit oder Journalismus?: Zum Einfluss im Mediensystem. Köln, 1985; Encyclopedia of Political Communication. Vol. 1, 2 / Ed. by C. Holtz-Bacha, L.L. Kaid. Thousand Oaks, CA, 2007; Gerhards J. Politische Öffentlichkeit. Ein system- und akteurstheoretischer Bestimmungsversuch // Öffentlichkeit, öffentliche Meinung, soziale Bewegungen: Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Sonderheft 34 / hrsg. von F. Neidhardt. Opladen, 1994. S. 77–105; Holtz-Bacha C., Zeh R. Medien – Politik – Publikum: Analysen zur Mediengesellschaft. Erfurt, 2007; Luhmann N. Soziologische Aufklärung: Aufsätze zur Theorie Sozialer Systeme. Opladen, 1970; Münch R. Elemente einer Theorie der Integration moderner Gesellschaften: Eine Bestandsaufnahme // Was hält die Gesellschaft zusammen?: Bundesrepublik Deutschland: Auf dem Weg von der Konsens – zur Konfliktgesellschaft / hrsg. von W. Heitmeyer. Frankfurt a/Main, 1997. S. 66–109.
 8. Couldry N., Hepp A. Conceptualizing Mediatization: Contexts, Traditions, Arguments // Communication Theory. 2013. Vol. 23. P. 191–202; Mediatization of Politics / Ed. by F. Esser, J. Strömbäck. Basingstoke, 2014; Hjarvard S. Mediatization of Culture and Society. London, 2013; Mazzoleni G. Mediatization of Politics // The International Encyclopedia of Communication / Ed. by W. Donsbach. New York, 2008. P. 3047–3051; Mazzoleni G. Mediatization of Society // The International Encyclopedia of Communication / Ed. by W. Donsbach. New York, 2008. P. 3052–3055; Mazzoleni G., Schulz W. «Mediatization» of Politics: A Challenge for Democracy? // Political Communication. 1999. Vol. 16. Is. 3. P. 247–261; Mediatization: Concepts, changes, consequences / Ed. by K. Lundby. New York, 2009; Strömbäck J. Four Phases of Mediatization: An Analysis of the Mediatization of Politics // The International Journal of Press/Politics. 2008. Vol. 13. Is. 3. P. 228–246; Strömbäck J. Mediatization of Politics: Toward a Conceptual Framework for Comparative Research // The Sourcebook for Political Communication Research. Methods, Measures, and Analytical Techniques / Ed. by E. P. Bucy, R. L. Holbert. New York, 2011. P. 367–382.
 9. Münch R. Op. cit. S. 89-90.
 10. Pfetsch B. From Political Culture to Political Communications Culture: A Theoretical Approach to Comparative Analysis // Comparing Political Communication: Theories, Cases and Challenges / ed. by F. Esser, B. Pfetsch. Cambridge, 2004. P. 349.
 11. Comparative Politics Today: a World View. Op. cit.
 12. Esser F., Pfetsch B. Meeting the challenges of global communication and political integration // Comparing Political Communication: Theories, Cases and Challenges / ed. by F. Esser, B. Pfetsch. Cambridge, 2004. P. 389.
 13. Almond G. A., Powell G. B. Op. cit. P. 16. См. также: Cotta M., Verzichelli L. Il sistema politico italiano. Bologna, 2008. P. 21.
 14. Siebert F.S., Peterson T., Schramm W. For Theories of the Press. Urbana, 1963.
 15. Blumler J.G., Gurevitch M. Towards a comparative framework for political communication research // Political communication: Issues and strategies for research / Ed. by S. H. Chaffee. Beverly Hills (CA), 1975. P. 165–193.
 16. Blum R. Bausteine zu einer Theorie der Mediensysteme // Medienwissenschaft Schweiz. 2005. Vol. 2. Is. 2. P. 5–11; Blumler J. G., Gurevitch M. The Crisis of Public Communication. London, 1995; Esser F. Journalismus vergleichen: Komparative Forschung und Theoriebildung // Theories des Journalismus: Ein diskursives Handbuch / hrsg. von M. Löffelholz / Aufl. 2. Wiesbaden, 2004. S. 151–180; Hallin D.C., Mancini P. Comparing Media Systems. Cambridge, 2004; Hallin D.C., Mancini P. Comparing Media Systems Beyond the Western World. New York, 2012; Hardy J. Western Media Systems.

- New York, 2008; Kleinsteuber H.J. Medien und Kommunikation im internationalen Vergleich: Konzepte, Methoden, Gefunde // Politische Kommunikation im internationalen Vergleich: Grundlagen, Anwendungen, Perspektiven / hrsg. von F. Esser, B. Pfetsch. Wiesbaden, 2003. S. 78–103; Mediensysteme im internationalen Vergleich / hrsg. von B. Thomass. Konstanz, 2007; Pfetsch B., Esser F. Comparing Political Communication // Handbook of Comparative Communication Research / Ed. by F. Esser, T. Hanitzsch, London, 2012. P. 25–47; Pfetsch B., Esser F. Conceptual Challenges to the Paradigms of Comparative Media Systems in a Globalized World // Journal of Global Mass Communication. 2008. Vol. 1. Is. 3/4. P. 118–131; Voltmer K. Mass Media and Political Communication in New Democracies. London, 2006.
17. Marshall M.G., Cole B.R. Global Report 2009: Conflict, Governance, and State Fragility // Polity IV Project: George Mason's University Center for Systemic Peace & Center for Global Policy report. 2009. Dec., 7. – URL: <http://www.systemicpeace.org/Global%20Report%202009.pdf>.
 18. Adam S., Pfetsch B. Media agenda building in online and offline media – Comparing issues and countries. Paper presented at the 6th ECPR General Conference, University of Iceland, Reykjavik, 2011. August.
 19. Blumler J.G., Gurevitch M. State of the Art of Comparative Political Communication Research: Poised for Maturity? // Comparing Political Communication: Theories, Cases and Challenges / Ed. by F. Esser, B. Pfetsch. Cambridge, 2004. P. 325–343; Mapping Journalism Cultures Across Nations: A comparative study of 18 countries / Hanitzsch T., Hanusch F., Mellado C., Anikina M., Berganza R., Cangoz I., Coman M., Hamada B., Hernández M.E., Karadjov C.D., Moreira S.V., Mwesige P. G., Plaisance P. L., Reich Z., Seethaler J., Skewes E. A., Noor D.V., Kee Wang Yuen E. // Journalism Studies. 2011. Vol. 12. Number 3. P. 273–293; Pfetsch B. Op. cit.
 20. Comparative Media Systems: European and Global Perspectives / Ed. by B. Dobek-Ostrowska, M. Głowacki, K. Jakubowicz, M. Sükösd. Budapest, 2010; Comparing Media Systems in Central Europe: Between Commercialization and Politicization / Ed. by B. Dobek-Ostrowska, M. Głowacki. Wrocław, 2008; Mazzoleni G. La comunicazione politica / nuova ed. Bologna, 2006.
 21. Sparks C. Comparing Media Systems: A Critical Analysis. Paper presented at the IAMCR 2013 Annual conference, Dublin, Ireland, 25–29 June 2013; Вартанова Е.Л. Центробежная и центростремительная: медиасистема России в динамике общенационального и регионального. Пленарный доклад на Междунар. научн-практич. конф-ции «Журналистика в 2013 году: Регионы в российском медиапространстве». Москва, 7–9 февраля 2014 г. (Vartanova E.L. Tsentrobezhnaya i tsentrostremitel'naya: mediasistema Rossii v dinamike obshchenatsional'nogo i regional'nogo. Plenarnyy doklad na Mezhdunar. nauchn-praktich. konf-tsii «Zhurnalistika v 2013 godu: Regiony v rossiyskom mediaprostranstve». Moskva, 7–9 fevralya 2014 g.)
 22. Mazzoleni G. Mediatization of Society. Op. cit.; Hjarvard S. Op. cit.
 23. Altheide D. L., Snow R. P. Toward a theory of mediation // Communication yearbook 11 / Ed. by J. A. Anderson. Newbury Park (CA), 1988. P. 194–223; Mediated Politics: Communication in the Future of Democracy / Ed. by W. L. Bennett, R. M. Entman. Cambridge, 2000.
 24. Couldry N., Hepp A. Op. cit.; Mediatization of Politics. Op. cit.
 25. Voltmer K. Structures of diversity of press and broadcasting systems: The institutional context of public communication in Western democracies. Berlin: Wissenschaftszentrum für Sozialforschung, 2000. – URL: <http://bibliothek.wzb.eu/pdf/2000/iii00-201.pdf>
 26. Newton K. May the Weak Force be With You: The Power of the Mass Media in Modern Politics // European Journal of Political Research. 2006. Vol. 45. P. 209–234.
 27. Altheide D., Snow P. Media Logic. London, 1979; Meyer T. Mediokratie: die Kolonisierung der Politik durch die Medien. Frankfurt-am-Main, 2001.

28. Marcinkowski F. Media system and political communication // Handbook of Swiss politics / Ed. by U. Kloethi, P. Knoepfel, H. Kriesi et al. Zurich, 2007. P. 381–402; Marcinkowski F. System Theory // Encyclopedia of Political Communication / Ed. by L. L. Kaid, C. Holtz-Bacha. London; Thousand Oaks, 2008; Marcinkowski F., Steiner A. Mediatization and Political Autonomy: A Systems Approach // Mediatization of Politics: Understanding the Transformation of Western Democracies / Ed. by F. Esser, J. Strömbäck. Basingstoke, 2014. P. 74–89.
29. Marcinkowski F. Mediatization of politics: reflections on the state of the concept // Javnost – The Public. 2014. Vol. 21. Is. 2. P. 5–22.
30. Comparing Political Communication: Theories, Cases and Challenges / Ed. by F. Esser, B. Pfetsch. Cambridge, 2004.
31. Comparing Political Communication. Op. cit.; Jarren O., Donges P. Politische Kommunikation in der Mediengesellschaft / 2 Bd. Wiesbaden, 2002; Mass Media and American Politics / Ed. by D. Graber / 6th ed. Washington, DC, 2002. P. 226; Mazzoleni G., Schulz W. Op. cit. P. 250; Rose R. The Prime Minister in a Shrinking World. Cambridge, 2001. P. 101.
32. Esser F., Pfetsch B. Meeting the challenges of global communication and political integration. Op. cit. P. 386.
33. Ibid. P. 387.
34. Mughan A., Gunther R. Op. cit. P. 1.
35. Bartels L. M. Messages received: The political impact of media exposure // American Political Science Review. 1993. Vol. 87. Is. 2. P. 267; Gauntlett D. Ten things wrong with the media 'effects' model // Approaches to Audiences – A Reader / Ed. by R. Dickinson, R. Harindranath, O. Linné. London, 1998. P. 120–130; Mughan A., Gunther R. Op. cit. P. 1.
36. Бодрунова С. Современные стратегии британской политической коммуникации. М., 2010; Колесник Н.В. Медиа и власть в современной России: исследование взаимодействия в регионе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 4. С. 116–134; СМИ и политика: учеб. пособие / Под ред. Л.Л. Реснянской. М., 2007. (Bodrunova S. Sovremennye strategii britanskoy politicheskoy kommunikatsii. Moskva, 2010; Kolesnik N.V. Media i vlast' v sovremennoy Possii: issledovanie vzaimodeystviya v regione // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2004. T. VII. № 4. S. 116–134; SMI i politika: ucheb. posobie / Pod red. L.L. Resnyanskoy. Moskva, 2007.)
37. Медиакратия: современные теории и практики / Под ред. А.С. Пую, С.С. Бодруновой. СПб, 2013. (Mediakratiya: sovremennye teorii i praktiki / Pod red. A.S. Puyu, S.S. Bodrunovoy. Santk-Peterburg, 2013.)